

Правда есть правда...Травники признались дрожащим голосом.

— Ну, но... неправильно использовать одновременно более десяти разных лекарственных трав. Несомненно, герцогиня применила очень опасный метод лечения!

Это тоже неправильно, но люди кивали, словно подтверждая слова.

‘В этом мире это считается правдой’.

Тем не менее, она не могла с такой легкостью опустить руки, поэтому твердо настаивала.

— Безусловно, смешивать лекарства опасно. Точнее, опасно смешивать несочетаемые лекарственные ингредиенты. Однако, если они совместимы, это очень эффективно...

И тогда,

— Ах.

Тихий вздох. Дыхание прервало слова Канны.

Не только она, но и все взгляды в суде были прикованы к одному месту.

Послышался всего лишь короткий вздох, но он забрал все внимание.

— Как долго мне еще нужно слушать эту чушь?

Это был вздох императрицы.

— Ответьте мне, Верховный суд

— Стоит подождать, ваше величество.

— Верховный судья откладывает решение, несмотря на то, что преступления герцогини уже подтверждено. Как же нелепо.

Бац! Императрица ударила о деревянную столешницу.

— Императорская принцесса мертва!

Все поспешно покачали головами от гнева императрицы.

— Вы осмелились дать принцессе рецепт, которым пользуются язычники! Это оскорбляет императорскую семью, а также принцессу! Этот грех возможно искупить только смертью!

После громких слов она сделала короткий вдох и замолчала.

— Однако его величество высоко оценил достижения Валентино и семьи Эдис и сказал, что не будет их вмешивать в эту ситуацию.

— ...

— Так что сейчас стоит поставить точку в наказании герцогини Канны Валентино.

Она знала, что так случится. Канна в душе посмеялась над собой.

‘В этом мире, независимо от того, суд ли это или что-то еще, разве не являются ли имперские слова самыми главными и приоритетными?’

Но что? Рецепт, присущий язычникам?

‘Да, это вы побежали ко мне, умоляя вылечить!’

Однако императрица говорила строго, как будто такого не происходило.

— Если вы думаете, что имперское суждение неверно, скажите это.

— Решение ее величества верное.

Верховный суд словно ожидал приказы императрицы.

— Совершенно преступление в виде убийства ее высочества из-за опасного рецепта. Это преступление, которое заслуживает смерти вся семья в соответствии с имперским законом, но ее величество проявило милость, и, принимая это во внимание, только Канна Валентино приговаривается к смертной казне.

Бах,бах,бах!

Когда судья постучал по столу, рыцари схватили Канну за руки и вытащили.

Затем.

— Умри, предвестник смерти!

Крик с трибуны. Канна подняла голову.

Однако людей присутствовало настолько много, что я не знала, откуда доносились слова. Она просто пыталась не обращать на это внимания...

— Она! Предвестник смерти! Ведьма!

— Если вы осмелились убить ее высочество принцессу, сами же умрите и заплатите за ваши грехи!

— Язычница должна умереть!

Если первый возглас подан, то следующих ждать долго не придется. Осуждение со стороны простолюдинов вылилось наружу.

Канну очерняли, бросая нецензурные слова.

Она склонила голову, когда ее выводили рыцари.

Все здесь думали, что она расплакалась...

‘Что, чёрт возьми, происходит..?’

Однако она просто скрывала все эмоции. Глубоко задумавшееся выражение лица, даже немного скучное...

‘Разве я ожидала чего-то другого?’

После приговора к смертной казни Канну заключили в тюрьму.

‘Изначально тюрьму делали для знати’.

Ее отправили в очень холодную и зловещую камеру, куда отправляли настоящих преступников.

‘Холодно’.

Капли воды стекали с холодных каменных полов, стен и потолков.

‘Кроме того, у меня забрали одежду’.

У преступника, убившего члена императорской семьи, забрали платье, сказав, что она не имеет права носить шелк.

‘Мне дали тюремную форму. Мне даже не позволительно носить собственную одежду?’

Канна села на корточки в углу.

Холодно. Холодно. Холодна. Думаю, простужусь.

Она хотела лечь в постель. Но не здесь, а на своей кровати в Корее. Хотела обнять кота и снова заснуть

Размышляя, она заснула, сама того не осознавая. Сколько времени прошло?

Она проснулась от дискомфорта.

Тьма за окном пропала. Казалось, наступил рассвет. И...

— ...

Какой сюрприз! За железной решеткой стоял человек.

Его фигура такая огромная и властная, а его красный меч сверкал при свете луны.

Она моргнула, чтобы убедиться, что ошибалась, но, к сожалению, оказалась права.

— ...Орсини?

Затем в темноте губы мужчины искривились.

— Так тебе и надо.

Боже мой, это действительно он! Лицо, которое она и представить себе не могла в таком месте ...

С каких это пор он стоит там?

— Почему ты здесь? Разве ты не уехал практиковаться?

— Я пришел посмотреть, что тебе ожидает.

—...

Этот ублюдок. Канна оглянулась и повернула голову.

— О, да. Я изо всех сил пытался понаблюдать на расстоянии.

Потом вдруг пришло в голову. Она видела знакомый силуэт на трибуне во время суда.

Он надел капюшон, дабы скрыть свое лицо...

— Ты приходил на суд?

Однако Орсини не ответил на вопрос Канны. Он обманул ее.

Но почему, это не показалось забавным. Выглядело странным, что Канна снова обратила свой взор на него.

В конце концов Орсини не улыбнулся. Выражение лица без радостных эмоций.

— Я думал, что когда-нибудь тебя настигнет такой исход. Я предполагал, что однажды такая грязь запятнает честь семьи.

— Ага, ты великий пророк. Почему бы тебе не предсказывать?

Затем Орсини схватился за решетку. Когда он подошел на шаг ближе, его выражения лица стало точнее.

— Как долго ты собираешься притворяться такой дерзкой! Посмотри на себя!

— Что со мной не так?

— Если у тебя есть глаза, почему бы не взглянуть? Без приличной одежды, как уличная проститутка с синяками и опухшим лицом!

Ох, верно. Мой внешний вид отвратительный. Канна мягко призналась.

— И что? Разве это не то, что ты хотел увидеть?

— ...

— Посмотри, на мне много ран. После сегодняшнего дня подобное будет трудно увидеть.

Канна говорила, что такой ситуации больше никогда не случится, но Орсини понимал иначе.

Если ее казнят, он больше никогда не увидит ее. Он сжал решетку настолько сильно, что даже выступили вены на тыльной стороне руки .

— Тебя скоро казнят.

— Я знаю.

— Никто не может остановить казнь, если только твой отец или отчаявшийся муж не выступят против.

— Конечно, такое не случится.

— Боже, какой же бред! Ты хоть когда-нибудь прекратишь себя так вести!

Бац!

Он пинал стену и ругался.

— Слушай, грязь, завтра твой приговор вступит в силу. Хорошо же, да? Издохни!

Канна уставилась на него. Она не могла понять, какого чёрта он делает.

Ну, конечно.

Канна, которой было о чем беспокоиться, опустила плечи, притворяясь грустной.

— Прости, Орсини.

— ...О чем ты?

— Мне нечего сказать.

Орсини отреагировал не сразу. Это было внезапное изменение отношения.

Канна с опустошенным выражением лица внезапно повела себя как пушистый щенок.

— Мне очень жаль, что я погубила честь семей. Я даже не собиралась этого делать...Теперь семья Эдис в долгу перед императорской семьей. Особенно перед ее величеством императрицей.

Он, должно быть, хотел услышать эту фразу.

Удивительно, но Орсини, потерявший дар речи, смотрел на нее, крепко сжав решетку.

Когда я увидела его, мне захотелось на мгновение отрезать себе язык.

Ах, эта жизнь. Я снова обманываю.

— ...Ты думал, я такое скажу?

Она села, прислонившись к стене, и тщетно улыбнулась. Она вытянула средний палец и продолжила.

— Мне совсем не жаль. Мне не за что извиняться, так что заткнись и сгинь.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1123178>